

Андрей
Степанов
Исчезающее
счастье
литературы

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

КНИЖНАЯ
ПОЛКА
ВАДИМА
ЛЕВЕНТАЛЯ

Андрей Степанов

Исчезающее
счастье
литературы

Москва • 2021

УДК 82-95
ББК 84(2Рос=Рус)6
КТК 210
С 79

Степанов А. Д.

С 79 Исчезающее счастье литературы : [эссе, статьи]. — М. : ИД «Городец», 2021. — 288 с. — (Книжная полка Вадима Левенталя).

Автор, известный филолог, в свободной манере рассказывает о своих самых любимых писателях: Чехове, Бродском, Элис Манро, Саше Соколове, Викторе Пелевине, Олеге Стрижаке, Сергее Носове, Самуиле Лурье, Леониде Юзефовиче и многих других классиках и современниках. Серьезные статьи чередуются с лирическими мемуарными виньетками, смешными пародиями и импрессионистической эссеистикой. Умение хорошо писать в разных жанрах и стилях — редкий дар для академического ученого — сочетается в этой книге еще и с объединяющим пестрым материалом личным чувством: главное для автора — то мимолетное счастье, память о котором оставляет нам литература.

ISBN 978-5-907358-17-1

© А. Д. Степанов, 2021
© ИД «Городец», 2021
© П. Лосев, оформление, 2021

От автора

Как-то раз, бессонной ночью, лежа в больнице после операции, я задумался: а зачем я вообще что-то писал? Нет, не то чтобы я прощался с жизнью, просто пока отходит наркоз, голова работает необыкновенно ясно и как-то непроизвольно подводит итоги, еще не понимая, что всякая опасность миновала. Ответов на вопрос, зачем это было нужно, нашлось немало, однако наутро мои озарения бесследно улетучились. Осталась всего одна фраза: «Исчезающее счастье литературы».

Если же без всякой эйфории поразмышлять о том, для чего написаны эти тексты, то получится следующее.

Наиболее серьезные статьи, вошедшие в этот сборник, — их легко узнать по ссылкам и птичьему языку — я писал потому, что к этому обязывает профессия. Литературовед должен уметь разбираться в чужих текстах и объяснять, как пошита гоголевская шинель. Кроме того, ученому не публиковаться нельзя: *publish or perish*, как говорят коллеги за океаном. Печатайся или пропадай. Что не исключает заинтересованности темой научной работы.

Более легкие тексты — в основном рецензии — написаны за те два года, когда я подрабатывал литературным обозревателем. Это была чудесная халтура: почитываешь новые книжки, хвалишь их или ругаешь, — все совершенно свободно, а за это еще и платят.

Иногда приглашали в жюри литературных премий. Там тоже надо было хвалить или ругать, но свободы оставалось меньше. Кругом минные поля: можно почем зря обидеть талантливую человека или же окрылить неутомимого графомана.

Некоторые эссе мне заказывали редакторы сборников и альманахов. Как ни странно, такие тексты получались лучше всего. Заказчикам мои тексты нравились, мне самому тоже. Кому они не нравились, так это родственникам тех писателей, о которых шла речь в эссе. Две статьи для посмертных изданий известных литераторов, заказанные и одобренные редакторами, выкинули из готовых книг наследники-правообладатели. Рассуждая без эйфории, должен признать, что я на их месте поступил бы так же. Однако на своем месте считаю возможным их напечатать.

Наконец, были эссе почти художественные — виньетки, как называет этот жанр его признанный мастер, — написанные безо всяких «надо» и «должно», просто так, по велению души. Ну захотелось, например, вспомнить счастливые деньки, или написать письмо Саше Соколову, или спародировать Набокова.

Поводы для сочинения эссе, статей и собственно прозы были разные, а причина одна. Во всем, что я писал, по-настоящему ценным был тот момент, когда находится единственно правильное слово — и мир сразу наполняется звуками, красками и смыслами, ты чувствуешь, что живешь, и в то же время боишься: сейчас все исчезнет. Потом все действительно исчезает, вместе со страхом. Жизнь кончилась, можно спокойно существовать и ничего не бояться.

Это, наверное, и есть исчезающее счастье литературы.

I

Аура

«Жизнь имеет смысл, только если человек лежит в траве и смотрит в небо. Желательно, чтобы это было на берегу реки. Также желательно иметь в зубах травинку».

Эти строчки написаны в городе Турку, на берегу реки Ауры. Вы можете представить себе реку по имени Аура? Да, именно такая: небольшая, тихая, с низкими берегами, поросшими травой и кустарником.

Два года я жил в самом центре (и в то же время почти на краю) этого города, в двух шагах от собора, напротив дома архиепископа. Улица называлась Пииспанкату или Бископсгатан — улица епископа.

В двухстах метрах от нас с епископом располагался университет — Обо Академи. Шведская буква А с кружочком наверху читается как «о», и город Турку, который русские со времен Пушкина называют Або, на самом деле по-шведски звучит как Обо (кстати, Гребенщиков, должно быть, до сих пор не подозревает, что всю жизнь играет и поет в Оквариуме). Университет был шведскоязычный, старинный, даже с богословским факультетом, но очень либеральный. Я писал там PhD. Внимательно рассмотрев мою kandidaatskaaya, финно-шведы посоветовались и решили, что я, должно быть, liseniaatin — степень невысокая, но дающая право на полную свободу. Лицензиат при написании докторской диссертации

ничему не учится, никаких экзаменов не сдает и ничего не должен посещать. Просто пишет в свое удовольствие то, что свободно льется из его иностранной души, причем на своем родном языке. «Можешь писать здесь, можешь ездить домой, только пиши, пожалуйста», — сказали финно-шведы. И сначала я ездил — не только домой, но и по всей Европе, порхал с конференции на конференцию, как выпущенная на волю ученая птичка. А потом перестал. Я полюбил Ауру.

Гуманитарный факультет находился — и, надеюсь, до сих пор находится — в здании бывшей фабрики, прямо на берегу этой чудесной реки. В Турку очень любили переделывать старые, имперских времен фабрики под разные культурные заведения и инсталляции. На длинной фабричной трубе посреди города торчали зачем-то числа Фибоначчи. В одном из бывших заводов разместился морской музей — Forum Marginum, где утлые челны печальных пасынков природы соседствовали с ослепительным фрегатом «Suomen Joutsen», «финским лебедем». На нашей университетской фабрике при реконструкции сохранили внутренние объемы, и в результате возникли огромные коридоры, недостижимые потолки, просторные аудитории и гигантские кабинеты. Мне определили в качестве рабочего места бывшую мастерскую площадью метров в шестьдесят. Примерно столько же места занимает кафедра русской литературы СПбГУ, где я сейчас работаю, только кафедру нашу делят по-братски тридцать преподавателей и в ее помещении с утра до вечера идут занятия, а в мастерской я сидел один. Дальше оказалось, что сидеть там можно круглосуточно — фабрика не запиралась. То есть она запиралась, и надежно, но на электронные замки, а финно-шведы выдали мне от них карточку и сказали: «Приходи в любое время, только пиши, пожалуйста».

Писал я в основном по ночам. Это было очень романтично: «В соседнем доме окна желты». Фабрика никогда не спит. То есть спит, конечно, но, представьте, одно окно светится не-

угасимым желтым пламенем всю ночь. Иногда ближе к утру заглядывала полиция. Увидев иностранного ученого за рабочим столом в процессе производства смыслов, poliisi уважительно кивали, желали успехов и шли дальше.

Собственно, все лучшее, что я написал в жизни, — ту самую PhD диссертацию и книжку «Сказки не про людей» — написано в городе Обо на реке Ауре. Остальная жизнь прошла, в общем-то, зря, в мелкой суете. Что-то отвлекало, что-то развлекало, что-то обязывало, чего-то не хватало — причем непонятно чего. Только попав в Турку, я опытным путем, совершенно случайно, выяснил, чего именно мне недоставало, чтобы начать писать: возможности полежать на берегу реки, имея в зубах травинку.

Знакомых в городе у меня было всего двое — оба финны, оба ни слова не знавшие по-русски. Мы просиживали долгие часы в кафе на мягком divaani под раскидистым sontikka, выпивали огромное количество красного viini и не спеша цедили:

— А правда, Лассе, что у вас в Финляндии есть озеро в форме Финляндии?

— Правда. У нас в Финляндии есть очень разные озера.

Но вот настало лето, все разъехались, и я остался совсем один. Говорить было не с кем. Как-то раз ближе к вечеру я заметил, что за весь день не сказал вслух ни слова, кроме “hei” и “kiitos” — «привет» и «спасибо» — кассиру в магазине. На следующий день это повторилось. Так прошла в молчании целая неделя. Потом другая. Я писал диссертацию, абзац за абзацем, и ходил гулять за город. «Загород» начинался сразу за фабрикой: надо было пройти через небольшой туннель у моста через Ауру, и речка немедленно выводила в поля. Я проходил пару километров по прибрежной тропинке до маленького водопада, потом ложился на землю и долго смотрел на воду и на противоположный берег, где высилась еще одна фабрика, — возможно, также приспособленная финно-шведами под производство смыслов.

Вот там на меня и накатило. Или озарило — это как посмотреть. Вообще говоря, почти все поэты уверяют, что им кто-то диктует сверху. Некий херувим, по Пушкину. Или некий серафим, согласно Цветаевой. Но не верьте поэтам, а тем более подражающим им прозаикам. Это вовсе не знак богоизбранности, даже не знак качества. Просто люди набивают себе цену. Мой любимый эссеист Самуил Лурье писал, что гипотеза Сальери о трансляции божественных звуков непосредственно херувимом — излюбленное оправдание графоманов.

Однако хотите верить, хотите нет, а только жарким июльским полднем 2003 года у прохладной речки Ауры, в двух километрах от старой гуманитарной фабрики, под ясным небом, по которому не спеша проплывали пухлые кучевые облака, похожие то на херувимов, то на серафимов, — кто-то продиктовал мне сказку. Звучным таким голосом, в полусне, от слова и до слова, страницы две. Она не вошла в сборник «Сказки не про людей» (хотя была уж точно не про людей), и публиковать ее я не стану. Оказалась она, увы, совершенно бредовой и нечитабельной. Видимо, посланец небес в процессе трансляции райских звуков в мою голову что-то перепутал. Я допускаю даже, что послание предназначалось другому. Но не расстраивать же ангела возвратом почтового отправления?

Дальше я взялся за дело приставления слов друг к другу уже самостоятельно. Причин для такого решения было две. Во-первых, хотелось с кем-то поговорить. Во-вторых, просто физически ощущалось: теперь ничто не помешает, все получится, надо только не спешить.

Я понял, что если очень долго, по-флоберовски, сидеть над одной строчкой, то рано или поздно войдешь в состояние, неотличимое от контакта с ангелом. Главное — терпение. Вступление к сказочной повести «Звездный Бобо» я писал, помнится, недели две.

О чем же я писал? — Да понятия не имею! Этот беспоконный вопрос исчез сам собой, вместе со всеми остальными

беспокойствами и препятствиями. И стоит ли волноваться, если будучи знатным литературоведом — лицензиатом, почти доктором! — ты чувствуешь уверенность в своей способности дать глубокомысленное истолкование любому тексту, от стихов Винни Пуха до прозы Пополь-Вуха. Надо только посидеть подольше.

И действительно, когда через несколько лет понадобилось объяснить читателям, о чем мои тексты — и диссертация, и сказки, — я внимательно все перечитал и вывел общий знаменатель. Оказалось, что пишу я о субъекте, находящемся в некоем лиминальном положении — как будто между землей и водой или между землей и воздухом, на пороге лучшей жизни, причем субъект этот прямые проторенные пути отвергает, но неумолимое течение времени, подобно реке, влечет его за собой, заставляя этими путями следовать. И в конце концов все оканчивается даже к лучшему — ну, примерно как в сказке про червяка и микроба, проделавших длительное путешествие по пищеварительному тракту и в конце пути увидевших естественный свет. Называлась эта сказка, кстати, «Внутренний мир». Обнаружилось и скрытое свойство открытых финалов — выбравшись на волю, герои, по всей видимости, в дальнейшем погибали, хотя в тексте об этом прямо не говорилось.

Защита докторской диссертации состоялась зимой 2004 года и проходила на русском языке. Оба моих финских знакомых присутствовали на защите и одобрительно кивали, слушая русские слова. Мне присвоили искомую степень, прибавив — почему-то на латыни — «весьма похвально». Книжка «Сказки не про людей» была опубликована издательством «Livebook» и получила несколько положительных отзывов критиков. В городе Турку я больше не бывал и, наверное, никогда не решусь туда приехать.

Иногда мне снится Аура.

Содержание

От автора	5
---------------------	---

I

Аура	9
Лесной	14
Привет от Ким Чен Ына	21
Современное искусство с человеческим лицом	23

II

Об интересном литературоведении	29
Идиллия и прогресс	44
Исчезающий Гедройц	63
Уроборос: плен ума Виктора Пелевина	70
Плоды просветления: пять пелевинских «П»	78
Избавиться от других	84
Жить в Монголии	90
«А» и «Б» патриотизма	94
Олег Стрижак и число Грэма	101
К чистому истоку	110
Случай Сергея Носова	113

О «проэзии» Саши Соколова	119
Минимализм как коммуникативный парадокс	127

III

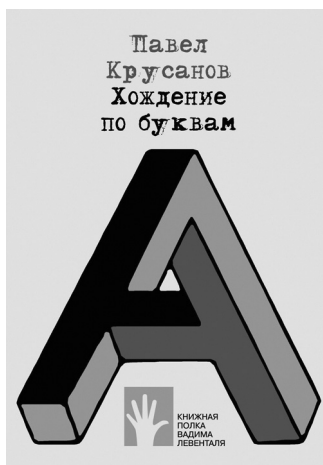
Бродский о Чехове: отвращение, соревнование, сходство	167
Предчувствие конца (Левитан и Чехов)	186
Об отношении к мертвым словам (Чехов и Сорокин).	198
Акунин и Чехов: головоломка «две чайки»	219
«Герой иного времени» Акунина: интертекстуальные трансформации	230
Чеховские мотивы в рассказах Элис Манро	240
«Спящая красавица» сегодня: к вопросу о границах интертекстуального и мифопоэтического подходов	252

IV

Письмо Саше Соколову	277
Подделочка Лорочки	280

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ПАВЕЛ КРУСАНОВ
«Хожде^ние по буква^м»

Рассуждения писателя о книгах — как и композитора о музыке, художника о живописи — всегда интересны: ведь перед нами не холодные наблюдения стороннего исследователя, а ревнивый взгляд одного мастера на работу другого. Вдвойне интересно становится, когда о коллегах высказывается мастер поистине выдающийся.

Перед вами первая книга статей о литературе именно такого мастера — знаменитого писателя Павла Крусанова.

Еще в серии «Книжная полка Вадима Левенталя»

ТАТЬЯНА МОСКВИНА

«Топ-топ хронотоп»

В своей неподражаемой — вместе и едкой, и доверительной — манере знаменитый писатель и критик Татьяна Москвина делится в этой книге с читателем своими наблюдениями и рассуждениями обо всем на свете, от книг и спектаклей до явлений повседневности. Эта книга похожа на разговор с умным, внимательным, доброжелательным, но во многих вещах принципиальным собеседником.

Интернет-магазин gorodets.ru

Литературно-художественное издание

Андрей Степанов

Исчезающее счастье литературы

16+

Художественный редактор *Павел Лосев*
Редактор *Алла Степанова*
Корректор *Татьяна Бородулина*
Компьютерная верстка *Наталии Ремизовой*

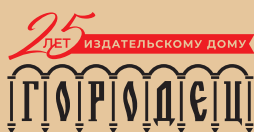
Подписано в печать 21.02.2021. Формат 60 × 90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 18. Тираж 1000 экз. Заказ

ООО «ИД „Городец“»
105082, г. Москва, Переведеновский пер., д. 17, кор. 1
тел.: (985) 8000 366
www.gorodets.ru
e-mail: info@gorodets.ru, levental.bookshelf@gmail.com

Интернет-магазин: gorodets.ru

Андрей Дмитриевич Степанов — доктор филологических наук, PhD, профессор СПбГУ, переводчик, прозаик. Специалист по творчеству Чехова, автор монографии «Проблемы коммуникации у Чехова» (2005) и более 180 научных статей, а также сборника рассказов «Сказки не про людей» (2009), двух романов и двадцати пяти книг художественных и научных переводов от Даниэля Дефо до Элис Манро. Финалист премии «Новая словесность» (2009), лауреат премии им. Н. В. Гоголя (2011). Живет в Санкт-Петербурге.

ISBN 978-5-907358-17-1

9 785907 358171

www.gorodets.ru

16+